

Чемоданов Геннадий Николаевич

Нерчинская каторга

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г34

Г34 **Геннадий Николаевич Ч.**
Нерчинская каторга / Чемоданов Геннадий Николаевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 190 с.

ISBN 978-5-521-29976-8

ISBN 978-5-521-29976-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вот почему, в противовес спокойному рассказу Чемоданова — каждая строка записок Типункова пропитана горячей человеческой кровью и веет ужасом средневековья.

Дополненная этими мрачными, но правдивыми, строками книга Чемоданова дает полную и всеобъемлющую картину русской каторги и той острой борьбы за свободу личности и ее человеческое достоинство, которую вели русские революционеры не только на воле, но и в тюрьме.

Настоящая книга вызвала интересное коллективное творчество. Первое ознакомление с нею произошло на собрании Нерчинского землячества при О-ве политкаторжан. Здесь было принято решение опубликовать эту интересную работу.

Дальнейшая проработка, а равно критическая оценка рукописи, со стороны товарищей с Нерчинской каторги, потребовала некоторых дополнений от автора и создала необходимость примечаний информационного характера, а в иных случаях и дополнительных характеристик для более полной и всесторонней оценки событий и действующих лиц.

В редактировании и подготовке книги к печати принимали участие на ряду с другими гг. Плесков и Жуковский-Жук.

Июнь 1924 г.

ГЛАВА I

НА КАТОРГУ

Неожиданное назначение. По этапному тракту. Доктор Рогалев. „Фельдшерница“ из Горного Зерентуя. Ямкунь. Управление Нерчинской каторги. Забелло. Ивановский. Кофе „на верху“. Первые впечатления.

15 марта 1908 г. около 11 часов утра чиновник особых поручений при военном губернаторе и командующем войсками Забайкальской области генерале Э. передал мне по телефону, что „его превосходительство“ просит меня явиться к нему к часу дня по делам службы.

Приглашение было необычно, а, принимая во внимание строгость и сумасбродность начальства, обещало мало хорошего. Для меня оно было особенно неожиданным потому, что я уже считал себя совершенно вышедшим из подчинения генерала Э.

Ровно год тому назад, по просьбе Э. и рекомендации моего строевого начальства, меня командировали в Читу в областной читинский военный лазарет для приведения его в порядок и налаживания хозяйства.

Ряд часто меняющихся заведывающих, за период от японской войны, совершенно развалили это большое дело, доведя перерасход хозяйственных сумм лазарета до криминальной, по тому времени, цифры в 15 тысяч рублей. Под непосредственным контролем Э. год работал я над этой развалиной, вмещавшей в себе временами до тысячи больных, и моей работой он был доволен.

Только вчера я сдал эту должность вновь назначенному главным штабом, из числа раненых и предназначенных на нестроевые должности офицеров — поручику И. — и получил документы для отправления в свой полк. По случаю сдачи и приемки должности мы уже являлись. Казалось, все счета кончены. Вызов был непонятен.

Ровно к часу дня я был в приемной губернатора среди немногочисленных в этот день посетителей. Пришла моя очередь.

Обычно суровое лицо генерала на этот раз было любезно, и он перебил мой официальный доклад: „Сегодня у меня к вам просьба, — сказал он с улыбкой, подчеркивающей ненормальность, по его мнению, такого положения. — Вчера полковник Ж., вернувшийся с Нерчинской каторги, делал доклад о положении там конвойных команд. Кадаинская команда находится в худшем положении, чем лазарет ко дню вашего приема. Начальник спился, полная разруха. Вы будете подходящим человеком, чтобы поставить команду на должную высоту как в строевом, так и в хозяйственном отношении“.

Предложение было слишком неожиданным; оно застало меня врасплох; генерал слишком любезен и настойчив. Я согласился.

При выходе из кабинета меня обуяли колебания. Тюремный уклон службы, да и само ее название претили. Однако, желание поближе взглянуть на интересующую меня каторгу, познакомиться вплотную с тем, что знал только по неясным и, конечно, неполным очеркам, встречающимся в литературе, а главное, уверенность в непродолжительности этой командировки, заставили меня не менять данного согласия.

21-го марта я сел на поезд в Чите, а на другой день уже ехал на обывательской тройке по знаменитому этапному тракту Сретенск — Горный Зерентуй. Этот путь уже настоящее преддверие каторги. Все попутное население невольно втянуто в ее жизнь. Наблюдая по несколько раз в неделю прохождение очередных партий, оно приучено к этой мрачной картине и к звону кандалов. Имена наиболее популярных заключенных и чинов каторги, даже их характеристики и все выдающиеся события ее жизни, знал всякий от мала до велика на всем более 200-верстном пути.

Эта проклятая для невольных кандалных путников дорога, при условии свободного ее проезда на тройке, довольно живописна. За небольшим перевалом от Сретенска дорога верст на семь идет под нависшими скалами вдоль быстрой горной речки и выходит в красивую широкую Налгачинскую долину, тут в селении Налгачи я впервые увидел так называемый этап, мрачно стоящий при выходе в деревню. Серые пали (забор из вертикально заостренных бревен) и серая старая с решетками в окнах изба, выглядывающая из-за палей, резали глаза своим мертвящим видом среди окружающей их пробуждающейся природы.

Дальше этап Шелапугино, потом знаменитые Кавыкучи-Удинские и Кавыкучи-Газимурские. „От Кавыкучи до Кавыкучи глаза выпучи“, говорит местная пословица, и действительно этот перегон тяжел и памятен даже и для проезжающих на тройке. Глухим лесом 42 версты тяжелой дороги, без единого селения на пути... Жутко было представить себя в кандалах, проходящим эту дорогу.

К Кавыкучам Газимурским я подъехал уже поздно вечером. Миновав этап, довольно живописно приютившийся под скалой, сделав крутой поворот влево, мы очутились в улице деревни, и скоро я уже расположился в обширной комнате земской квартиры.

Кроме меня на станции была какая-то проезжая женщина. Три-четыре бабы с ребятами на руках окружили ее, она их осматривала и давала, повидимому, какие-то медицинские советы.

„Проезжая фельдшерица из Горного, — объяснил мне на мой вопрос хозяин, — да надо полагать новая какая, допреж что-то ее не приметил“.

Меня поразило странное отношение фельдшерицы к больным: советы ее были самого примитивного свойства, она видимо терялась и тяготилась больными и даже отказалась дать какой-либо совет одной из женщин, ребенок которой был очевидно болен серьезно.

„Вот она первая и, очевидно, типичная представительница без знаний и сердца из той среды, где мне придется вращаться“, невольно подумал я.

Погода на дворе разыгралась, поднялась самая отвратительная метель с мокрым снегом. Приходилось ночевать. Я отменил распоряжение о лошадях и уселся за приветливо кипевший самовар. Спутница тоже, несмотря на видимую срочность своей поездки, решила переждать погоду. Познакомились и разговорились. Естественно, я старался направить разговор на интересующую меня тему о каторге, ее быте и о лицах, с которыми мне предстояло так близко соприкоснуться по службе. Но и меня постигла участь баб, ответы я получал какие-то неопределенные и далеко неисчерпывающие. Это меня удивило, но тем не менее заставило бросить свои расспросы, переведя разговор на общие темы. Тут спутница моя оказалась более разговорчивой и очень интересной собеседницей.

Наговорившись вдоволь, взаимно познакомившись и видя перед собой женщину интеллигентную в лучшем смысле этого слова, я не удержался и высказал ей свое удивление по поводу ее отношения к больным бабам и их ребятам. „Вот теперь, — сказала она, — я могу, познакомившись с вами,

объяснить свое поведение и всю удивившую вас и тяготившую меня сцену. Дело в том, что я не та, за кого вы меня считаете, я возвращаюсь от мужа, который сидит в Горном Зерентус. Вы не можете себе представить, как измучил меня первый путь, как трудно достать лошадей „по вольному найму“. Сутками приходится сидеть на станциях, просить, кланяться и переплачивать невероятные деньги. Теперь мне срочно нужно ехать обратно, и вот нашелся добрый человек, теперешний врач Рогалев¹⁾ — выручил меня, дав открытый лист своей акушерки-фельдшерицы. Еду с ним быстро и удобно, но вот, как видите, на этой станции получила возмездие за обход закона, и лишь потому, что устала и надумала задержаться и напиток чаю... Однако, посмотрите — луна, погода уgomонилась“, — и с этими словами собеседница вошла в соседнюю комнату поторопиться подать себе лошадей.

Через 20 минут, проводив симпатичную случайную знакомую, даже не узнав ее фамилии, я крепко спал на широкой деревянной кровати, а чуть свет, наскоро напившись чаю, выехал по направлению Газимурского завода. Не доезжая верст трех до этого большого селения, в котором, несмотря на его громкое название, никакого завода не существует, словоохотливый ямщик обратил мое внимание на Ямкунский пруд.

Шагах в 500 от дороги, действительно я увидел интересную картину: на широкой равнине, покрытой снегом, темнел и дымился довольно большой пруд, резко очерченный в своих берегах среди белизны снега, Около него ряд каких-то дощатых шалашиков, а направо от дороги два ветхих дома барачной системы. Остановив лошадей, я подошел к пруду. Очень теплая на ощупь, несмотря на значительный мороз, вода, была мутно-зеленого цвета и издавала сильный сернистый запах; она все время казалась в движении. благодаря большому количеству пузырьков, появляющихся и лопающихся на ее поверхности. Теплота воды была настолько значительна, что берега пруда на расстоянии около аршина были освобождены от снега. Дощатые сарайчики, числом 12, оказались ванными комнатами с дощатыми же в полу ваннами.

Из расспросов ямщика я понял, что это был когда-то курорт с сернисто-грязевыми ваннами; бараки исполняли службу гостиницы для больных, и весь „Ямкунь“ эксплуатировался кабинетским ведомством. В свое время, по словам ямщика, он привлекал немало больных. Теперь все это заброшено, и лишь местное население, зная силу этих грязей, пользуется ими кустарным способом.

С невеселыми мыслями о нашей российской немощи и разрухе, сажусь и еду дальше.

Солонечное ¹⁾), большая Зерентуйская станица, и вот я уже на пути к центру Нерчинской каторги, к грозному для многих Горному Зерентую.

Лес окончился. Голые сопки, частью уже освобожденные на прорехах от снега, тянутся с обеих сторон дороги. Перехали речку „Поперечный Зерентуй“, поднялись на небольшой перевал, спустились в узенькую долинку, опять полезли в гору, — и белое здание Горно-Зерентуйской тюрьмы, со всем тюремным поселком, было у нас перед глазами. Лошади дружно хватили под гору и, миновав стороной поселок, не убавляя рыси, втянулись в гору средней улицы непосредственно примыкающего к поселку села Горный Зерентуй.

Уже вечерело, впечатлений было достаточно. Я решил в этот день не показываться в поселке и отдохнуть до утра на земской квартире.

На другой день утром, около 11 часов, приведя себя в порядок, прицепив все ордена и регалии, я уже проходил мимо высокой, белой тюремной каменной ограды. Миновав большой деревянный дом начальника тюрьмы, подошел к двухэтажному красному каменному дому с большой золотыми буквами вывеской „Управление Нерчинской каторги“. Вошел. Обычная канцелярская картина: — ряд комнат, столы с чиновниками и грудой бумаг перед ними, где-то в дальней комнате стучит пишущая машинка.

Пока я выбирал лицо, к кому бы обратиться за нужными сведениями, ко мне быстро подошел, позвякивая шпорами, маленький седенький стройный полковник, не могущий, как мне показалось, превозмочь своего любопытства: скорее узнать, кто я и зачем появился в этих местах. Я удовлетворил его любопытство, и он сейчас же вызвался сам доложить обо мне начальнику каторги. Впоследствии я узнал, что это был помощник начальника каторги, полковник Ивановский, человек совершенно не соответствующий своему грозному положению, так как по натуре не мог даже, как говорится, мухи обидеть. Этот мягкий человек, случайно года три назад попавший на каторгу, конечно, не играл никакой роли в ее жизни и через полгода, выслужив положенную пенсию, с удовольствием ушел в отставку, уехав куда-то в центральные губернии.

Тишина и порядок в управлении обращали на себя внимание. Я понял, что новая метла в лице приехавшего передо мной за 2 недели вновь назначенного начальника каторги полковника Забелло ²⁾ работала.

¹⁾ Иначе Солонцы.

„Начальник каторги вас просит“, перебил мои мысли вышедший почти на цыпочках из кабинета начальства Ивановский.

Я вошел в кабинет.

— Господин полковник, представляюсь по случаю командирования в ваше распоряжение для исполнения должности начальника Кадаинской конвойной команды.

Приподнявшись со своего кресла, на меня мрачно, из под нависших бровей, смотрел грузный полковник.

Я протянул свое предписание от губернатора. Забелло сел и сосредоточенно в него углубился. Наконец, указав рукой на стоящий стул, коротко, немного в нос, сказал: — „сидитесь“. Я сел. Немного помолчали. Опять короткое: „Как вы сюда попали?“ Я рассказал. „Ну, очень рад, а я думал знакомство, протекция какая“, сказал он, чуть улыбаясь в усы.

— Очень рад свежему человеку, — продолжал он, — пора немного разредить этих чалдонов и гуранов, а то первые нашкодят, а потом и в кусты.

Я смотрел в недоумении. Полковник это понял.

— Да вы, батенька, совсем, оказывается новый человек. — И на этот раз рассмеялись и его глаза.

„Чалдонами“ забайкальские казаки ругают местных крестьян, а те в свою очередь ругают казачков „гуранами“. ну так вот, из этих гуранов и чалдонов состоит, главным образом, наша администрация и офицерство конвойных команд. Вот они тут с Метусом ³⁾ позверствовали не в меру, а того да Бородулина ⁴⁾ ухлопали, теперь перепугались и всю каторгу из рук выпустили. А меня, видите, батенька, усмирителем назначили“.

Полковник мне положительно начал нравиться. Мне казалось, я разгадал его. Это был типичный, армейский штаб-офицер, немного грубый, но добрый по натуре, немного эгоист, чуть-чуть карьерист, по привычке любящий дисциплину во всех ее проявлениях. Наружно строгий с подчиненными, этот человек ни в каком случае не способен на зло во имя зла. Все эти выводы, подтвердившиеся и при дальнейшем знакомстве с Забелло, подтолкнули меня ответить и высказать откровенно свои взгляды.

— Ну, какие мы усмирители, полковник, наше дело воинский порядок. Заключенные, конечно, по уставу враги „внутренние“, но уже пленные, а пленный, по нашим военным понятиям, не враг и требует к себе иного отношения.

— А, вот вы как думаете! Ну что же, валяйте! — совершенно неожиданно и непонятно для меня закончил он свою фразу.

В кабинет вошел кто то из чиновников с докладом.

— Ну, вот что, — обратился ко мне Забелло, — вы там с моим помощником договоритесь: он вас, батенька, во все посвятит, а через час приходите, поднимемся наверх кофе пить; я вас с женой познакомлю.

Выйдя из кабинета, я увидел в соседней комнате Ивановского, окруженного группой чиновников. Разговор шел очевидно обо мне — кто, откуда и зачем. Приезд нового лица был, повидимому, большим событием в этой трушобе.

Я тут же с ним познакомился, и расспросы продолжались уже непосредственно. Удовлетворив по возможности их любопытство, получив и сам от них кое-какие интересующие меня сведения, я обратился к Ивановскому с просьбой дать мне указания для дальнейшего своего движения в Кадаю и нужные инструкции по службе.

— А вы когда ехать собираетесь?

Я ответил, что выехал бы сию минуту, но придется задержаться на несколько часов из-за приглашения начальника каторги пить кофе. Это последнее замечание заставило переглянуться окружающих, и я понял, что удостоился большой чести.

— Вот что, Геннадий Николаевич, — сказал Ивановский уже успевши, очевидно, из моих документов узнать мое имя и отчество, — я вам сейчас еще заготовлю предписание штабс-капитану Волокитину, от которого вам придется принимать команду, а то он волокита: вас и на двор может не пустить.

— Как, с предписанием губернатора! — удивился я.

— Говорю волокита, а тут еще обида, что не его, красавца, назначили на эту должность; обязательно прицепится. Вообще человек ненадежный, будьте с ним поосторожней, — уже конфиденциально добавил он мне.

— А все-таки он человек семейный, вы его сразу с квартиры-то не гоните.

Я уверил, как мог, этого доброго человека, что мне вполне будет достаточно на первое время какой-нибудь комнаты, и что семью своего предшественника тревожить не буду.

Получив нужные документы и необходимые инструкции, я простился с Ивановским и ровно через час сидел „на верху“ (так называлась квартира начальника каторги, находящаяся действительно над Управлением), наблюдая сложную процедуру варки кофе женой начальника каторги, Антониной Вячеславовной, впоследствии большой моей приятельницей. Эта добрая женщина, великолепная мать, хорошая семьянинка, была положительно замучена честолюбием. Видеть своего мужа генералом, а себя „ее превосходительством“ было ее *idée fixe*. Поддерживать в доме аристократический, по ее

мнению, тон было ее больным местом. На мужа она имела огромное влияние и, как я понял потом, согласие его на принятие должности начальника каторги было вызвано желанием супруги получить право на давно желанный титул, так как чин генерала ему был при этом обещан. „Хороший тон“ не проходил и ему даром; было, например, не „тонно“ есть вареное мясо из супа, а полковник его страшно любил. Не раз во время объездов каторги, останавливаясь у меня, с аппетитом уничтожая вареное мясо, он сетовал, что лишен этого удовольствия дома. Ежедневная процедура варки кофе тоже немало, кажется, его изводила, а процедура, которую я наблюдал, была до одури длинная и очевидно очень тонкая. Кофе варилось в каких-то особенных сосудах, переливалось и даже цедилось через вату и только тогда допускалось к употреблению. Наконец, кофе было готово и оказалось действительно великолепным. Я с удовольствием пил его, беседовал и наблюдал эту симпатичную пару простых людей, из которых один всеми силами старался казаться строгим, суровым человеком, а другая аристократкой и светской барыней.

Но вот я опять на тройке и, то поднимаясь, то опускаясь с горы на гору, еду к месту своей добровольной ссылки в популярный когда то Кадаинский рудник.

Доктор Рогалев, Ивановский, пара Забелло, — каторга уже не казалась так безнадежна и страшна, как издали.
